

Ольга
САХАЛИНСКАЯ

Конфликт
ИНТЕРЕСОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Сахалинская

Конфликт интересов

«Автор»

2026

Сахалинская О.

Конфликт интересов / О. Сахалинская — «Автор», 2026

Могла ли я подумать, что одна случайная встреча на свадьбе подруги изменит всё? Без обещаний. Просто искра, которая не должна была стать чем-то большим. Но стала. Мы разошлись утром — чтобы встретиться снова по разные стороны зала суда. Я — юрист, и у меня есть дело, от которого зависит моя репутация. Он — тот, кто не имеет права быть рядом со мной. Тот, чью сторону я не могу принять. Теперь каждое наше слово — против друг друга. Каждый взгляд — слишком личный. Каждое решение — с последствиями, которые нельзя отменить. Потому что в этой истории нельзя выбрать всё сразу: либо долг, либо чувства. Но что делать, если сердце уже сделало свой выбор?..

Содержание

Table of Contents	5
Конфликт интересов	8
Ольга Сахалинская	8
2. Наталья	10
3. Наталья	14
4. Наталья	16
5. Наталья	20
6. Наталья	23
7. Дмитрий	26
8. Наталья	30
9. Наталья	33
10. Наталья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Сахалинская

Конфликт интересов

Table of Contents

Содержание

Обложка

1. Наталья

2. Наталья

3. Наталья

4. Наталья

5. Наталья

6. Наталья

7. Дмитрий

8. Наталья

9. Наталья

10. Наталья

11. Дмитрий

12. Наталья

13. Наталья

14. Наталья

15. Наталья

16. Наталья

17. Наташа

18. Дмитрий

19. Дмитрий

20. Дмитрий

21. Наталья

22. Наталья

23. Наталья

24. Наталья

25. Наталья

26. Наталья

27. Наталья

28. Наталья

29. Наталья

30. Дмитрий

31. Дмитрий

32. Наталья

33. Наталья

34. Наталья

35. Наталья

36. Наталья

37. Наталья

38. Наталья

39. Наталья

40. Наталья

41. Наталья
42. Наталья
43. Наталья
44. Дмитрий
45. Наталья
46. Наталья
47. Наталья
Эпилог. Наталья
CoverPage

Содержание

Cover Page
Содержание

1. Наталья
2. Наталья
3. Наталья
4. Наталья
5. Наталья
6. Наталья
7. Дмитрий
8. Наталья
9. Наталья
10. Наталья
11. Дмитрий
12. Наталья
13. Наталья
14. Наталья
15. Наталья
16. Наталья
17. Наташа
18. Дмитрий
19. Дмитрий
20. Дмитрий
21. Наталья
22. Наталья
23. Наталья
24. Наталья
25. Наталья
26. Наталья
27. Наталья
28. Наталья
29. Наталья
30. Дмитрий
31. Дмитрий
32. Наталья
33. Наталья
34. Наталья
35. Наталья
36. Наталья
37. Наталья

- 38. Наталья
- 39. Наталья
- 40. Наталья
- 41. Наталья
- 42. Наталья
- 43. Наталья
- 44. Дмитрий
- 45. Наталья
- 46. Наталья
- 47. Наталья
- Эпилог. Наталья

Конфликт интересов

Ольга Сахалинская

1. Наталья

Город стоит в пробках. В очередной раз нажимаю на тормоз, не проехав и пяти метров. Обожаю свою машину: красную, яркую и дерзкую — она целиком и полностью является отражением меня.

Бросаю короткий взгляд в зеркало заднего вида, рассматривая свое отражение, и остаюсь просто в восторге. Кожа ровная, матовая, а глаза сияют от предстоящего мероприятия. Правда, слегка абсурдного, но тем интереснее. Сегодня моя Лида официально станет женой Егора Ярового, владельца крупной IT-компании. Его имя можно часто заметить среди рейтингов журнала «Forbes».

Я до сих пор не понимаю, как моя лучшая подруга — такая рассудительная и правильная — умудрилась вляпаться в фиктивный брак. Я не думала, что она согласится. Скорее, на такую авантюру могла бы поддасться я.

Достаю помаду цвета «спелая вишня» и, пока плотный поток стоит, виртуозно обвожу контур губ, слегка прищипывая и распределяя помаду. Поправляю вырез платья из изумрудного шёлка. Оно стоило мне половины месячной зарплаты, но я в нём смотрюсь так, что каждый мужик свернёт шею. Белье под него надевать противопоказано, и я решила отправиться без него. Эта маленькая шалость придает пикантности образу. Жаль, что о ней знаю только я, потому что спутника на сегодняшний вечер у меня нет. После болезненного развода я с головой ушла в работу, и мужчин воспринимаю исключительно в деловой форме общения.

Через несколько минут я наконец въезжаю на парковку у загса. Оглядываюсь по сторонам, ищу машину молодоженов. Её нет. Я выдыхаю — не опоздала. Не хотелось заставлять подругу волноваться. Ей и так не позавидуешь.

Выхожу на улицу, надеваю плащ, беру клатч и букет. Захожу в прохладный мраморный холл. Пахнет цветами, парфюмом и валерьянкой. Несколько пар в очереди на роспись. Обычная суета.

Моё внимание привлекает мужчина. Ему около сорока, может, чуть больше. Лицо красивое, с ранними морщинами у глаз. Он стоит у колонны, в руках последняя модель айфона, взгляд устремлен на экран, и складывается ощущение, что он здесь оказался случайно.

Обручальное кольцо на безымянном пальце отсутствует. Серый костюм сидит идеально на спортивном теле, что радует глаз. Редко встретишь мужчину старше сорока без небольшого пузика.

Отвожу взгляд и, чтобы убить время, принимаюсь рассматривать картины и счастливые фотографии молодожёнов. Зависти не испытываю, сама была такой же, пока не поняла, что совершила, едва ли, не самую большую ошибку в своей жизни. Теперь меня замуж ни за какие коврижки не затянешь.

Чувствую на себе восхищенные взгляды, но интуитивно осознаю, чей из них принадлежит тому красавчику. Ожидаемо, краем глаза ловлю высокую фигуру и едва сдерживаюсь от довольной улыбки. Всё-таки, образ получился великолепным. Фрида, мой визажист, просто волшебница.

Красавчик продолжает пялиться, а я испытываю необычное ощущение. Не то чтобы неприятно — нет, наоборот. Волнительно. Как будто по коже ведут пером. Спина становится горячей, а низ живота неожиданно наполняется теплом. Что за чертовщина?

Я отхожу к окну, встаю вполоборота, демонстративно рассматривая улицу, но продолжаю чувствовать чужой интерес физически — на затылке, на шее, на талии, он скользит по бедрам и, совершенно не стесняясь, зависает на ягодицах, обтянутых гладким шёлком. Интересно, спалил ли он отсутствие белья?

Его приближение чувствую по тому, как до моего носа долетает запах парфюма с сандалом — очень необычный и безумно дорогой мужской аромат. Идеально ему подходит.

— Извините, — звучит низкий, чуть хрипловатый голос, — а мы случайно не по одному поводу здесь находимся?

Я медленно поворачиваюсь, чуть приподняв бровь. Мужчина высокий. Я даже на каблучках ниже его на добрых пятнадцать сантиметров.

— Здесь все пришли посмотреть на то, как люди добровольно говорят друг другу «Да», и клянутся в любви и верности, — улыбаюсь открыто и чуть дерзко, поправляя цветы.

Незнакомец слегка склоняет голову, внимательно глядя на меня.

— Но Вы этим клятвам не верите? — прищуривается он и дарит мне обаятельную улыбку.

— Вы, похоже, тоже, — стреляю глазами на его правую руку без кольца. — Или принципиально не носите обручалку?

— Не доводилось еще испытывать подобных экзекуций, — продолжает испытывать на прочность мои рецепторы и стойкость макияжа, потому что от его взгляда кожа просто нагревается.

— Дмитрий, друг Егора Ярового, — представляется.

— Наталья. Подруга Лиды.

— Значит, всё-таки, не ошибся, — усмехается и одобрительно кивает.

Повисает пауза, в течение которой взглядом Дмитрий медленно и с интересом движется от моих глаз к губам, а затем обратно. Её не назовешь неловкой, скорее наоборот, она позволяет оценить друг друга без прикрас. Со вкусом, я бы сказала.

— Значит, мы здесь присутствуем как независимые наблюдатели, — продолжает он, и в его низком голосе появляется лёгкая игра, — призванные следить, чтобы никто не сбежал в последний момент и не описался от страха.

— Вы работаете воспитателем? — спрашиваю, слегка склоняя голову набок, зеркала его жест. Дмитрий смотрит на меня пару секунд, а затем принимается хохотать.

— Нет, Наталья. Я вообще не особо понимаю, как нужно обращаться с детьми. — отвечает он, и его глаза смеются. — Надеюсь, Ваша подруга организованная и ответственная, и не бросит у алтаря моего лучшего друга.

— Лида? Да, она могла бы распланировать свою жизнь по минутам. Но вот этот брак... — Я позволяю лёгкому недоумению окрасить голос и делаю шаг ближе к Дмитрию, неосознанно сокращая расстояние между нами. — Это вне всех её графиков. Признаюсь, она меня поразила. Но она не отступит. Выдыхайте.

— Егор говорит то же самое, — отзывается Дмитрий и тоже делает небольшой шаг. Теперь между нами меньше полуметра. Запах сандала, тепло мужского тела становятся острее и плотнее. — Кажется, наши друзья решили добавить спонтанности в свои слишком правильные жизни.

— И назначили нас её свидетелями, — соглашаюсь я с улыбкой.

Дмитрий тоже улыбается. Это момент молчаливого понимания, союза против абсурдности ситуации.

— Должен признаться, — говорит он, опуская голос почти до конфиденциального шёпота, — я не ожидал, что подруга Лиды будет настолько прекрасна, что легко сумеет затмить всех присутствующих в этом зале женщин. — Его взгляд мягко касается моего изумрудного платья.

— К сожалению, не могу сказать Вам того же, Дмитрий! — с сожалением отвечаю я, позволяя взгляду медленно скользнуть по серому костюму.

— Почему? — он выглядит изумлённым, но в глазах пляшут чертики. — Терпеть не могу серый цвет. Простите!

— У меня красные трусы, Наташа, — шепчет он мне, подмигивая.

— Круто! — отвечаю ему, сверкая глазами. — А у меня их вообще нет.

В этот момент в загс заходят Лида и Егор. Они видят нас, стоящих друг к другу так близко, Лида приподнимает бровь, а на её губах проступает тонкая, едва заметная улыбка. Егор просто кивает другу. Будущие молодожены выглядят превосходно и визуалью очень друг другу подходят, автоматически отмечаю я.

Мы с Дмитрием двигаемся не сразу навстречу вошедшей паре — остаёмся на этом полуметре пространства, которое теперь ощущается как наша собственная неприкосновенная территория, пространство которой буквально искрит. В воздухе явно витают флюиды, и я решаю поиграть. Почему бы и нет, черт возьми? Мне тридцать пять, и я никому ничего не должна.

— Вы меня просто поражаете, Наталья! — произносит Дмитрий с едва уловимой интимностью. — Мне кажется, мы с Вами подружимся.

— Это вряд ли, я не слишком дружелюбная! — взмахиваю ресницами и стреляю в него своим самым сногшибательным взглядом. Контакт прямой, открытый. Это флирт, но с глубоким подтекстом, от которого кожа мгновенно покрывается мурашками. Что ж, похоже, будет весело.

2. Наталья

Церемония проходит как в тумане. Сквозь него пробиваются обрывки стандартных фраз о любви, верности, «в болезни и в здравии». Они звучат правильно, заученно, но для меня остаются просто фоном. Всё моё внимание, упрямое и непослушное, стягивается в одну точку — к Дмитрию.

Он стоит чуть позади Егора. Руки спрятаны в карманах, поза развязная, но взгляд... Взгляд выдаёт всё. Он не смотрит — он изучает. Следит за процессом с едва уловимым хищным интересом и, кажется, находит в этой картине особую прелесть.

Когда Лида говорит «да», я улыбаюсь, в груди теплеет от неуместной радости за неё. Сжимаю стебли цветов так, что пальцы немеют, и будто по наитию поднимаю глаза и встречаю пристальный взгляд Дмитрия. От неожиданности по спине пробегают мурашки, и плечи сами собой вздрагивают.

А он... Он едва заметно улыбается уголками губ, но в этой полуулыбке — целая вселенная понимания, будто мы с ним одни в этом зале знаем какую-то постыдную, но восхитительную тайну.

Я медленно, почти вызывающе киваю и посылаю ему свою улыбку — точную копию его собственной.

Ресторан встречает нас шумом, светом и шампанским. Я снимаю плащ, и прохладный воздух скользит по коже, мгновенно напоминая: на мне только платье. Тонкий шёлк касается тела почти интимно, и от этого ощущение собственного тела становится острее.

Живее.

Я смеюсь, обнимаю Лиду, поздравляю, ловлю её взгляд — внимательный, чуть лукавый.

— Ты сияешь, — шепчет она мне на ухо.

— Ты тоже.

Она на секунду задерживает на мне взгляд, потом чуть склоняется ближе:

— Это из-за платья? Или не только?

Я усмехаюсь, но не отвечаю. Подруга и так всё понимает. Она меня хорошо знает.

Первый танец молодожёнов проходит красиво, почти идеально. Всё как в кино: свет приглушён, музыка мягкая, движения отрепетированы.

Я стою у стола с бокалом, наблюдаю... и чувствую, как рядом становится теплее.

— Вы танцуете? — звучит прямо у виска тихий голос.

Я не поворачиваюсь сразу. Делаю маленький глоток, позволяя себе эту паузу. Дмитрий стоит, почти касаясь меня плечом.

— Да. И делаю это великолепно, — отвечаю наконец и только потом смотрю на него.

Дмитрий уже без пиджака. Закатанные рукава рубашки открывают запястья и предплечья. И это неожиданно делает его ближе и...

опаснее.

— Тогда мне стоит постараться, — спокойно произносит он, и его губы дрожат в скупой улыбке.

— Попробуйте.

Музыка меняется на ритмичную, но не слишком быструю.

Дмитрий протягивает мне руку.

Я смотрю на неё секунду дольше, чем нужно. У него красивые руки. Крупная ладонь, длинные пальцы с ухоженными ногтями. И я на секунду, сама того не ожидая, представляю эти руки на моём теле. Такие руки просто обязаны быть чуткими, дарящими наслаждение.

Вкладываю свою ладонь и мгновенно нахожу подтверждение своим мыслям. Кожа по-мужски грубоватая, но пальцы смыкаются мягко, хотя чувствуется их скрытая сила. И тепло. Настоящее живое тепло.

Танец начинается почти невинно. Дима не тянет, не ведёт резко — даёт пространство. И это... подкупает. Я сама сокращаю расстояние.

Его ладонь ложится мне на талию уверенно, но без давления, пальцы чуть сжимаются и тут же ослабляют хватку, словно проверяя, позволено ли.

И это прикосновение снова как по коже пером, и тонкий шёлк не спасает — я чувствую жар мужской ладони так, будто платья на мне нет. Очередная мысль о том, что я без белья, распалает, и между ног пульсирует.

— Вы всегда так осторожны? — спрашиваю, глядя Дмитрию в глаза.

Голос звучит ровно, но внутри меня всё трепещет.

— Только когда имею дело с чем-то... ценным, — отвечает он, не отводя взгляда, в котором пляшут блики люстр.

Я тихо фыркаю, но внизу живота возникает щекочущее ощущение.

— Вы мне льстите.

— Нет. Констатирую.

Мы танцуем, и я вдруг понимаю, что... расслабляюсь. По-настоящему. Отпускаю привычный внутренний контроль. С этим мужчиной не нужно держать оборону. Это пугает. И притягивает.

Моя рука сама ложится ему на плечо, пальцы касаются кожи над воротником.

— Вы опасный человек, Дмитрий, — тихо говорю, чуть запрокидывая голову.

Мы почти останавливаемся. Музыка звучит где-то далеко, я её уже почти не слышу.

— Потому что танцую с вами? — спрашивает Дмитрий и смещает пальцы с моей талии немного ниже.

Жест почти незаметный. Почти.

— Потому что делаете вид, что ничего не происходит.

Он наклоняется ко мне так, что я чувствую тепло его дыхания на шее. Лёгкий шлейф алкоголя и мяты. И сандал. Мой личный наркотик.

— А вы уверены, что делаю? — шепчет почти в губы.

Я сбиваюсь с шага. Дыхание перехватывает. Пальцами невольно сжимаю его рубашку. Это не остаётся незамеченным.

В глазах Дмитрия вспыхивает торжество. Не наглое — скорее удивлённое. Он не ожидал, что я такотреагирую.

— Вы... — начинаю я и замолкаю, потому что в горле пересохло.

— Что? — подталкивает он к ответу и большим пальцем медленно очерчивает круг на моей талии. Эта невинная ласка сводит меня с ума.

— Вы играете нечестно, — выдыхаю.

— Я вообще не играю, Наташа. — Его голос становится низким и хриплым. — Я никогда не играю.

Я поднимаю глаза. Встречаю его взгляд в двух сантиметрах от своего лица. И понимаю: он не врёт.

В этот момент музыка затихает. Кто-то хлопает. Звенят бокалы.

Мы с Дмитрием не двигаемся.

— Нам стоит вернуться к гостям, — говорю я, но не отстраняюсь.

— Стоит, — соглашается Дима, но его рука всё ещё лежит на моей талии.

Несколько ударов сердца. Гулких, тяжёлых.

Потом Дмитрий медленно убирает руку, делает шаг назад и смотрит на меня так, будто запоминает каждую чёрточку на всю жизнь.

— Вы необыкновенная, Наталья. — Он называет меня полным именем, и это звучит как обещание. — Я ещё не закончил этот разговор.

— А я и не говорила, что он закончен, — отвечаю, поправляя волосы. Руки слегка дрожат.

Он улыбается. Медленно, с прищуром.

— Тогда продолжим позже.

И это «позже» звучит как «обязательно».

Праздник продолжается. Конкурсы, тосты, смех. Мы с Дмитрием оказываемся в одной команде снова и снова, и каждый раз я ловлю себя на том, что ищу его глазами в толпе, прежде чем ведущий объявит следующий тур.

Мой новый знакомый шутит с той самой лёгкой самоиронией, которую невозможно подделывать. Я не уступаю ему в этом и в какой-то момент ловлю себя на том, что мне с ним интересно.

По-настоящему.

Не надо притворяться, не надо включать «деловой режим», не надо бояться, что неправильно поймут. Он подхватывает любую мою мысль с полуслова и возвращает ее, сделав острее, веселее, умнее.

— Вы юрист? — вдруг спрашивает он, когда мы вместе «спасаем» команду в очередном конкурсе. Я выкрикиваю правильный ответ, он ловит меня за запястье в победном жесте. Кожа к коже. Меня будто током прошибает. Его тоже.

— С чего вы взяли?

— Вы не даёте выиграть просто так.

— А вы не любите проигрывать.

— Я люблю достойных соперников.

Его пальцы всё ещё на моём запястье. Мой пульс колотится под его большим пальцем.

Не может быть, чтобы Дмитрий его не почувствовал.

Я улыбаюсь. Он руку так и не отпускает.

— Тогда вам повезло, — говорю тише, чем хотела.

Смотрим друг на друга и оба понимаем: мы сейчас не про игру. Вокруг гремят аплодисменты, кто-то хлопает меня по плечу, но я ничего не замечаю. Только его глаза. Только то, как его дыхание становится глубже.

Он отпускает мою руку медленно, нехотя. И после этого я ещё несколько секунд чувствую на запястье его тепло.

После очередного энергичного танца с подругой я выдыхаюсь. Музыка гремит, тело разгорячено, в груди колотится сердце, волосы выбились из причёски и липнут к вискам. Мы с Лидой, смеясь, сбегает из зала.

Прячемся за дверью, и звуки вечеринки превращаются в глухой фон. Я опираюсь на прохладную раковину в туалете, глядя на своё отражение в зеркале.

Щёки розовые. Глаза блестят. Грудь часто вздымается.

Живая.

Такой я себя не помню давно.

— Ну? — Лида скрещивает руки, глядит на меня через зеркало. Она улыбается, но в глазах — пристальное внимание.

— Ну — что?

— Не делай вид, что не понимаешь.

Я выдыхаю. Молчу несколько секунд. Потом уголки губ сами ползут вверх.

— Он... интересный, — произношу осторожно, проверяя слово на вкус.

— Это ты сейчас так аккуратно сказала «мне сносит крышу»?

Я смеюсь. Громко. Откидываю голову назад. И слышу, как Лида подхватывает смех.

— Я давно такого не чувствовала, Лид, — признаюсь тихо и серьезно.

Подруга смотрит на меня с нежностью, с теплом, от которого щиплет глаза.

— И это плохо?

Я на секунду задумываюсь. Смотрю на свои руки — они всё ещё чуть дрожат. Потом снова в зеркало.

— Это... пиздец как хорошо, подруга.

Мы выходим из уборной, и я невольно бросаю взгляд в сторону нашего стола. Дмитрий стоит у колонны с бокалом в руке. Разговаривает с кем-то из гостей, но в тот же миг, когда я появляюсь в проходе, взглядом находит меня. Безошибочно. Как будто ждал. Он поднимает бокал и чуть заметно кивает, сверкая глазами.

К вечеру воздух становится гуще. Шампанское щекошет язык. Смех похож на пунктирную линию — звучит то громче, то стихает. Лампы дают почти телесный оттенок, как кожа на закате.

Это просто наваждение какое-то, но я снова рядом с другом жениха. Не специально. Но и не случайно.

— Я не хочу, чтобы этот вечер заканчивался. — Дмитрий наклоняется ко мне, когда это говорит, и я чувствую тепло его дыхания у виска.

Я смотрю на Диму долго. Меряю каждую секунду пульсом. Он не про свадьбу. Эти вибрации мужского желания невозможно не почувствовать.

— И что вы предлагаете?

Дима молчит. У него хорошие паузы — плотные, со смыслом. Глазами он продолжает говорить, в уголках губ играет почти заметное напряжение как у человека, который уже принял решение, но вежливо ждёт момента, чтобы его озвучить. И вот он настал.

— Продолжить... в более спокойной обстановке.

И снова повисает пауза. Та самая чёртова пауза, в которой уже есть ответ без слов. Воздух между нами становится почти осязаемым.

Прекрасно понимаю, чем закончится этот вечер, и не пытаюсь себя остановить. Моё тело пылает, но жар только под кожей. Я испытываю странное спокойствие, которое бывает перед шагом в пропасть — когда уже не страшно, только дух захватывает.

— Вы уверены, что справитесь с моей не дружелюбностью? — парирую, чуть склоняя голову.

Дима улыбается. У него опасная улыбка — не широкая, не показная. С прищуром.

— Готов рискнуть. —

Он делает шаг ко мне и становится интимно близко.

— Тогда... поехали, Дмитрий.

Его зрачки чуть расширяются. И в этот момент я окончательно понимаю: сегодня я позволю себе не контролировать всё. Хотя бы раз. Бросить штурвал. Выключить голову. Включить ощущения.

3. Наталья

Дима помогает мне надеть плащ возле гардероба. Случайно касается моей кожи, когда поднимает волосы, освобождая их из-под воротника, и пальцами продолжает скользить по моей шее. У меня перехватывает дыхание от переизбытка ощущений. До мурашек.

Мы выходим на улицу.

Ночной воздух бьёт в лицо влажной прохладой, но моё разгоряченное тело пылает изнутри. Шампанское играет в голове лёгким приятным шумом, но это не оно меня пьянит. А мужчина. Дмитрий.

Он стоит рядом. Слишком близко.

— Такси? — спрашивает, вглядываясь в мои глаза, будто спрашивая разрешения. Хотя сам уже давно всё решил.

— Такси, — соглашаюсь я.

И тут же ловлю себя на том, что тяну руку к его ладони. Дима переплетает наши пальцы. Так естественно, как будто мы это делали всегда.

Водит большим пальцем по костяшкам. Медленно. Лениво. Каждый круг отдаётся во мне пульсацией между бёдер.

Я смотрю на профиль Димы. Чуть небритый. С прищуром, который я выучила наизусть за этот вечер.

— К тебе или ко мне? — спрашивает он тихо, переходя на «ты».

— К тебе. Надеюсь, ты живешь не с мамой? — выпаливаю с иронией, за что получаю предупреждающий взгляд.

Потому что к себе я не хочу. Не хочу, чтобы завтра утром он ушёл, а я осталась в постели с его запахом на простынях. Лучше я уйду сама. Когда захочу.

Дмитрий усмехается, словно читает мои мысли.

— Боишься, что я не уйду.

— Боюсь, что не выгоню.

Он смеётся низко, гортанно.

В этот момент подъезжает такси. Мы садимся на заднее сиденье. Наши пальцы снова переплетены, мы оба тяжело дышим, его бедро прижимается к моему.

Дима опускает мою ладонь, свою кладёт на моё колено и медленно ведет вверх, задирая платье. Останавливается там, где кончается резинка чулок.

Я смотрю вперёд, но чувствую его пристальный взгляд. Дима смотрит, чуть сжимая моё бедро, дышит глубже.

Поворачиваю к нему лицо. В его тёмном взгляде вижу желание, и мое тело отзывается на него влагой между ног. Я закрываю глаза.

— Ты шикарная! Ты сводишь меня с ума... — хрипит Дима мне в висок.

— Я знаю.

В следующий миг он обхватывает мою шею и накрывает поцелуем мои губы. Сначала невесомое, словно пробуя, но моё тело пронзает ток от потребности в мужском напоре. Я поддаюсь порыву и кладу ладонь Диме на затылок и надавливаю, вынуждая углубить поцелуй. И Дима с тихим стоном отвечает на мой призыв, занимая мой рот языком. Я забываю, что мы не одни. Забываю, где мы. Кто я.

— Приехали, — раздаётся голос водителя.

Мы с Димой отрываемся друг от друга, тяжело дыша, как подростки, застигнутые родителями.

Дима ведёт меня, держа мою ладонь так, будто боится, что я исчезну. Минуя гляцевый холл, успеваю заметить высокие потолки, мраморный пол, зеркала в полный рост, тусклый золотистый свет. Элитный комплекс. В углу за стойкой сидит консьерж. Пожилой мужчина с идеально зачёсанными седыми волосами провожает нас внимательным взглядом. Не осуждающим. Скорее знающим. Таких, как мы, он видел сотни.

Мы идём шаг в шаг, бёдрами задевая друг друга. Лифт открывается сразу — будто нас ждал. Двери смыкаются за нами, и я делаю последний вдох перед тем, как Дима меня атакует.

Вжимает в стену.

Я не успеваю ахнуть, как рот Димы уже на моём. Целует. Влажно. Жадно. По-взрослому. Целует так, будто хочет выпить меня до дна. И я отвечаю тем же. Вцепляюсь в его плечи. Зеркала лифта отражают нас со всех сторон — растрёпанных, жадных, уже не своих.

Дима отрывается на секунду. Пыхтит. Берёт прядь моих волос, убирает за ухо. И просто смотрит в глаза, потом скользит взглядом по лицу, губам, шее.

— Красивая, — выдыхает.

А глаза горят похотью. Неприкрытой, животной. Настойчивое давление эрекции в живот — такое твёрдое, горячее, предвкушающее — лишает меня воли, превращая в податливое желе.

Если бы я была в трусиках, то они были бы уже мокрые насквозь.

Лифт останавливается, двери открываются. Дмитрий снова ведет меня за руку, набирает код на входной двери своей квартиры. В ней темно. Дверь за нами хлопает, и свет включается автоматически. Дима разувается, снимает с себя пиджак, с меня — тренч, и сразу толкает меня к стене.

Мы снова целуемся. Дима собирает платье на мне гармошкой и кладет ладони на мои обнажённые ягодицы. Крепко сжимает, поглаживает, ведет руки ниже — и замирает, а вместе с ним и я. Проводит пальцами по моим половым губкам и рычит:

— Сумасшедшая...

Дима отрывает меня от пола и прижимает к себе, собираясь заняться нетерпеливым сексом. Я ногами обвиваю его тело и держусь за плечи. Щёки вспыхивают от того, что там мокро — рискуя запачкать Димины брюки. Он наклоняется и присасывается губами к шее, оставляя влажный пульсирующий след, превращая мои мозги в кисель.

— Ох-х...

Как же это приятно. Его лёгкая щетина царапает мою кожу, лишь усиливая мои ощущения.

Слышу, как расстёгивается молния на брюках.

Чувствую тугую гладкую головку у своего входа. Не успеваю моргнуть, как Дима насасывает меня на себя. Резко. До упора. Шипит сквозь стиснутые зубы.

Я вскрикиваю ему прямо в рот. Дима ловит крик, целует, не даёт выдохнуть.

Начинает двигаться размашисто, с напором. Стоны смешиваются с влажными шлепками. Мы целуемся и сталкиваемся лбами, носами, зубами — но ни один из нас не собирается останавливаться.

Пружина внутри меня затягивается с каждым толчком. Сильнее. Ещё. Ещё. Я чувствую каждое движение члена, каждый его сантиметр. Дима входит так глубоко, и мир сужается до этой стены, до его дыхания, до моего собственного пульса.

Я кончаю.

Мое тело выгибается, голова запрокидывается, я беззвучно кричу. Дима впивается в мою шею зубами, губами, языком, делает ещё несколько резких движений — и догоняет меня, содрогаясь всем телом. Опускает меня на пол и кончает мне на бедро.

— Какая же ты охуенная, — бормочет хрипло.

Мгновение смотрю на него, тяжело дыша, и замечаю, что он усмехается, кивая на мои ноги.

— То есть ты не пошутила. Ты правда ходишь без белья?

— Я ж тебе сразу сказала, — выдыхаю, упираясь спиной и затылком в стену. — Я никогда слова на ветер не бросаю.

Дима смотрит на меня так, будто видит впервые. Ошарашено. Восхищённо. Безумно.

— Да ты... — качает головой, — просто сумасшедшая. Офигенная женщина.

И смеётся, заправляя влажную прядь мне за ухо.

Я улыбаюсь. Моё тело горит. Вокруг нас — атмосфера похоти. Безумный многообещающий взгляд Димы и моё желание уйти на второй раунд подсказывают: это ещё не конец. Но прежде мне надо в душ — привести себя в порядок и смыть следы нашего безумства.

4. Наталья

«Прямо и направо». Именно так сказал Дима, объясняя, где находится ванная.

Иду, покачиваясь — ноги всё ещё ватные после того, что случилось. Платье так и висит на талии, одно плечо спущено, грудь открыта. Я даже не пытаюсь ничего поправить — бесполезно. Да и зачем?

Взгляд Димы будто проникает под кожу, ощупывая мою наготу. Каждый шаг отзывается пульсацией между бёдер. Кожа горит там, где Дима касался меня пальцами, губами, зубами. Горит от осознания: я выгляжу именно так, как должна выглядеть женщина после безумного секса: растрёпанной, в смятой одежде. Счастливой.

Останавливаюсь перед зеркалом в коридоре, смотрю на себя.

Ну и видок. Волосы взъерошены, щёки пылают, губы припухли, помада осталась на Диме — на коже, на воротнике его рубашки. Тушь размазана. Провожу пальцами по шее и чувствую влажные следы от поцелуев. Там, наверное, будет синяк. От этой мысли по телу бегут мурашки. Я усмехаюсь.

Ванная большая, мраморная. Стеклопанельная стена, огромная лейка тропического душа. Я даже не ищу, куда повесить платье — просто скидываю его на пол. Оно падает бесформенной тряпкой.

Включаю воду. Жду, пока пойдёт тёплая. Осматриваюсь: одна зубная щётка, мыло и никаких женских пенек и кремов. Открываю шкафчик — там только мужские бритвенные принадлежности. Значит, Дима не женат и у него нет постоянной девушки. Странно ли, что мужчина в сорок свободен? Не знаю.

Встаю под душ. Струи бьют по лицу, по плечам, по груди. Закрываю глаза.

Мысли кружатся.

Я не планировала этого. Шла на свадьбу к подруге, думала: поулыбаюсь гостям, скажу тост, вернусь домой, включу сериал. Максимум — немного флирта. Для тонуса.

А вместо этого принимаю душ в ванной мужчины, которого знаю всего шесть часов. И он только что... такое вытворял со мной, что я не припомню подобного за последние года два, а то и три.

Дима... С ним не надо объяснять и просить. Он сам берёт. Сам знает, куда нажать, на секунду опережая реакцию моего тела. Это пугает. Но в хорошем смысле.

Провожу руками по животу, по бёдрам, смывая его запах. Но он будто вьелся в кожу и пульсирует вместе с моим пульсом.

Вытираюсь большим полотенцем, заворачиваюсь в него. Пальцами расчёсываю влажные волосы, привожу себя в относительный порядок, поднимаю с пола платье и выхожу.

Я не знаю, где у Димы спальня, но почему-то понимаю, куда идти.

В комнате горит приглушённый торшер. Дима сидит в кресле напротив — ноги широко расставлены, брюки расстёгнуты, ремень болтается. Рубашки нет — она висит на спинке стула, мятая, брошенные небрежно.

Я жадно скольжу взглядом по крепкому торсу. Грудь с лёгкой тёмной порослью, дорожка волос уходит вниз, к паху. Между моих ног снова глухо пульсирует, низ живота тянет.

Дима медленно и нагло сканирует меня с головы до ног — распущенные мокрые волосы, голые ноги, полотенце, ключицы, припухшие искусанные губы. На глазах задерживается дольше всего.

Я нарушаю тишину первой. Голос не узнаю — хриплый, чужой:

— Мне нужно одеться. Ты не мог бы отвернуться?

— Не мог бы, — парирует он, и уголки его губ вздрагивают. — Хочу на тебя смотреть. —

Он подаётся вперёд, упираясь локтями в колени, и разглядывает меня откровенно, даже не моргая.

— И вообще, куда ты собралась?

— Домой. Уже поздно. Я всегда ночую дома.

— Ничего подобного. — Он качает головой. — Сегодня остаёшься здесь.

Пауза. Тишина звенит. Я сглатываю.

Дима протягивает руку и тянет меня к себе.

— Иди сюда, — бормочет с хрипотцой.

Я поддаюсь. Ноги ватные, но я подхожу и становлюсь между его разведённых коленей.

Дима поднимает голову, смотрит снизу вверх исподлобья голодным взглядом. Скользит ладонями по моим бёдрам всё выше, забирается под край полотенца. Горячие пальцы впиваются в кожу.

— Останься.

— Зачем? — дразню.

Меня знобит от возбуждения, но я держу лицо.

— Продолжим.

Я склоняю голову набок:

— Ты уверен? Возраст всё-таки. Чтобы пойти на второй-третий круг, нужно больше сил.

Одним движением он перехватывает меня за талию и отвешивает звонкий шлепок по голой ягоднице. Я вскрикиваю, дёргаюсь, не понимая — то ли уйти, то ли прижаться к нему снова. Он не даёт выбора. Сжимает ягодницу, подталкивая меня к себе.

— Я тебе сейчас покажу возраст, — рычит он мне в ухо. Мурашки бегут по спине.

Дима смотрит на меня с вызовом, затем берёт мою руку и медленно, не отрывая взгляда, кладёт себе на пах. Под ладонью — твёрдая горячая плоть.

— Чувствуешь? — спрашивает хрипло. — Вот тебе мой «возраст».

Я рефлекторно сжимаю пальцы на члене и чувствую его длину, толщину, то, как он дёргается от моего прикосновения. Дима запрокидывает голову, выдыхает сквозь зубы. Жилка на шее пульсирует.

— Вот так, — выдыхает он. — Ещё.

Я сжимаю сильнее. Дима стонет глухо, сдавленно, не стесняясь.

— Чёрт, Наталья...

Я убираю руку, делаю шаг назад и улыбаюсь. Кровь горячо пульсирует в висках, на кончиках пальцев, между ног.

— Всё это здорово. Очень классно. Но без предохранения я не буду.

Дима смотрит на меня и вдруг ухмыляется — широко, хищно.

— Я как раз заказал доставку. Должны привезти. — Он облизывает губы. — Двенадцать штук. Хватит?

— Двенадцать? — Я вскидываю бровь. — На целый год хватит.

Он усмехается, глядя исподлобья, и в глазах пляшут черти:

— Вряд ли хватит на неделю.

От его слов в паху взрывается жар. Я делаю глубокий вдох и касаюсь узла полотенца на груди. Медленно, глядя Диме в глаза, развязываю. Полотенце падает к ногам. Я стою голая, влажная, покрасневшая. И мне ни капли не стыдно.

Дима не двигается. Смотрит. Секунду, две. В комнате слышно только наше дыхание.

— Иди сюда, — хрипло шепчет, показывая, что держится из последних сил.

Медленно проводит ладонями по моему животу вверх, до груди, большими пальцами гладит соски, и те мгновенно твердеют, наливаются, тянутся к его теплу.

— Какая ты... — шепчет Дима.

Целует ложбинку между грудей, живот чуть выше пупка, чуть ниже. Медленно. Проводит языком по коже, и я вздрагиваю, выгибаюсь. Внутри всё сжимается тугой пружиной.

Дима смотрит на меня снизу вверх, глаза блестят в полумраке, дыхание сбилось.

— Ты не против?

Я смеюсь нервно, хрипло. Зарываюсь пальцами в его жёсткие колючие волосы.

— Как я могу быть против такого бонуса к свадьбе подруги?

Дима ухмыляется:

— Бонусом меня ещё никто не называл.

Он хрипло смеётся и упирается лбом в мой живот. Горячо выдыхает, прерывисто, щекотно. Я глажу его по затылку, чувствую, как он глубоко дышит, как прижимается губами к моей коже.

— Хочу тебя, — бормочет глухо, и вибрация отдаётся по всему моему телу. — Хочу так, что думать не могу.

Он подхватывает меня под ягодицы и усаживает к себе на колени. Я обхватываю его талию ногами. Он прижимает сильнее, гладит, сжимает, распяляет — умело, грубо, требовательно. Я впиваюсь ногтями ему в плечи.

— Доставка будет позже, — выдыхает он мне в шею. Голос дрожит, грудь вздымается, он трётся об меня — уже готовый, твёрдый, мучительно близко.

— Постой, — выдыхаю я. — Подожди.

Дима замирает, убирает руки. В глазах мелькает тень — то ли обида, то ли нетерпение. Я сползаю с него на пол, иду к сумочке, которая лежит на журнальном столике в углу. Пальцы дрожат, не слушаются. Нахожу. Один. В отдельном кармашке.

Возвращаюсь. Протягиваю на раскрытой ладони, как трофей:

— Нам хватит одного? — спрашиваю с вызовом. Внутри всё пляшет от предвкушения, но я держу улыбку.

Дима смотрит на фольгу, потом на меня, потом медленно переводит взгляд на мои глаза. Ухмыляется — и у меня во рту пересыхает от этой ухмылки.

— А у тебя был свой? Хитрая... — Голос низкий, с рычащей ноткой. — Пиздец, Наталья.

Он забирает презерватив. Рвёт зубами упаковку. От этого звука, от этого движения у меня подкашиваются колени. Я опираюсь на спинку кресла.

Дима натягивает презерватив быстро, привычно — даже секунды не проходит. Я не смотрю на это — смотрю ему в лицо: на сжатые губы, на заострившиеся скулы, на глаза, сосредоточенные только на мне.

— Давай, детка, — командует он хрипло.

Я делаю шаг. Дима перехватывает меня за бёдра, направляя на себя. Я опускаюсь. Медленно. Закрыв глаза.

Чувствую, как головка упирается во вход. Мгновение — и я насаживаюсь. До дрожи, до искр под веками, до сбитого дыхания. Чувствую каждую десятую долю миллиметра члена. Как он входит, наполняет, растягивает.

Мы выдыхаем одновременно — единый звук, единое движение, единое тело.

Дима запрокидывает голову. Я вижу его кадык, сглатывающий рывком, вижу вздувшиеся вены на шее, напряжённые мышцы пресса под моими пальцами.

— Твою мать... — выдыхает он.

Я не отвечаю — просто двигаюсь. Сначала медленно: вжимаю его в себя, отпускаю, снова вжимаю. Рисую бёдрами восьмёрки. Каждое движение — как выдох.

Дима смотрит. Глаза блестят в полумраке. Пальцы впиваются в мои бёдра — то сжимаются до синяков, то ослабляются, чтобы тут же впиться снова. Руки блуждают по талии, животу, груди. Дима дышит тяжело, рвано.

— Ты... — выдыхает он и не заканчивает.

Вместо этого кладёт ладонь на затылок и тянет меня к себе. Я наклоняюсь, грудью касаюсь его груди, острые соски скользят по потной коже. Дима ловит мой рот, целует глубоко, жадно, неласково. Иначе, чем в лифте и в прихожей. Медленнее. Осмысленнее. Злее.

Я двигаю бёдрами быстрее. Чувствую пульсацию члена, как он разбухает, наливается, дёргается мне навстречу.

— Чёрт, — выдыхает Дима мне в губы.

— Ох, — соглашаюсь я и прикусываю его нижнюю губу.

Он стонет. И срывается.

Ритм ломается. Дима фиксирует меня одной рукой за талию, держит на весу и снизу толкается резко, жёстко, почти грубо. Я вскрикиваю — он зажимает мне рот ладонью, и я целую его ладонь, провожу языком по линии жизни, кусаю подушечку пальца. Чувствую солёный вкус: его пот, моя слюна, наше общее безумие.

Его бёдра работают, как поршни. Я скачу на нём, теряя контроль, дыхание, себя. Комната плывёт, свет торшера расплывается маслянистым пятном. Я слышу только его дыхание, своё сердце, влажные шлепки наших тел.

— Смотри на меня, — командует Дима хрипло. — Смотри, когда кончаешь.

Я открываю глаза. Смотрю в его затуманенные, чёрные, бездонные — и проваливаюсь.

Оргазм накрывает волной с головой, без предупреждения, вышибая воздух. Я вскрикиваю — Дима снова зажимает мне рот и впивается поцелуем в шею. Я чувствую его вибрацию и слышу стон. Он кончает следом — дёргано, глубоко, рыча утробно — и сжимает меня так, что трещат рёбра.

Оседаю на него.

Запрокидываю голову, смотрю в потолок и вижу только мушек перед глазами. Тело сотрясает крупная дрожь. Дима прижимает меня к себе, гладит по спине, дышит в шею — горячо, прерывисто, постепенно успокаиваясь.

Тишина. Только два сердца — одно напротив другого.

— Ну что, бонус? — шепчет он мне в ухо, а в голосе улыбка.

— Лучший, — шепчу я в ответ.

Он тихо смеётся, утыкается носом в мою макушку, вдыхает. И не выпускает из объятий.

5. Наталья

Я просыпаюсь от солнечного света. Он мягко льётся через огромное окно сквозь неплотно задёрнутые шторы. Комната незнакомая, и я пару секунд тупо моргаю, пытаюсь понять, где нахожусь.

Потом вспоминаю.

Ванная. Мрамор. Двенадцать презервативов. Дима.

Поворачиваю голову.

Он спит рядом. Раскинулся на кровати, по-хозяйски свободно, заняв две трети матраса. Одеяло сбилось где-то на уровне пояса, и я вижу грудную клетку, как она медленно вздымается, опускается. Ресницы чуть подрагивают. Видимо, Диме снится что-то хорошее.

Дима очень красивый мужчина.

Я не то чтобы не заметила этого вчера — заметила, и ещё как! — но сейчас в этом утреннем свете он выглядит иначе. Не таким хищным и агрессивно-сексуальным. Сейчас он расслабленный, и в этой расслабленности есть что-то... уязвимое, что ли.

Щетина за ночь отросла сильнее, четче обозначив тяжёлую линию челюсти. Губы чуть приоткрыты. На лбу едва заметная складка, которая, кажется, никогда не разглаживается до конца.

Вздыхаю и осторожно приподнимаюсь на локте.

Вся комната в серых тонах. Стены светло-серые, с вставками почти чёрного графита. Мебель простая, без излишеств: кровать, пара тумб, кресло в углу. Никаких лишних вещей, никакого хлама. Всё по делу. Как у человека, который знает, чего хочет.

От этого сравнения у меня внутри что-то ёкает, но я тут же затыкаю внутренний голос.

Тело ломит.

И это не неприятно. Это скорее ощущением глубокого удовлетворения. Каждая косточка, каждая мышца напоминают о том, что происходило здесь ночью. Чувство, будто тело всё ещё вибрирует где-то на глубоких недоступных частотах.

Я слегка потягиваюсь, и по позвоночнику пробегает сладкая дрожь.

Вспоминаю вчерашнюю шутку про возраст и усмехаюсь.

Дима доходчиво, очень доходчиво показал мне, какой у него возраст. Спорить не с чем. Его выносливость... дай бог каждому двадцатилетнему. Я закрываю глаза и чувствую, как внутренности снова сжимаются от одних только воспоминаний.

Но двадцатилетним, конечно, такой опыт и не снился. Там всё быстро, суетливо, себе на уме. А Дима... он делал всё для меня.

Я открываю глаза и натыкаюсь на его взгляд.

Он уже не спит.

Глаза тёмные, чуть прищуренные, и смотрят с хитрой ленивой усмешкой. Дима улыбается по-утреннему расслабленно, и от этой улыбки у меня перехватывает дыхание.

— Доброе утро, — говорит он хрипло.

— Привет, — отвечаю я и понимаю: он видел, как я его рассматривала. — Ты давно не спишь?

— Достаточно, — в голосе улыбка. Дима приподнимается, садится, опираясь спиной на изголовье кровати, и на меня обрушивается волна его запаха — тёплого, мужского, того самого, что я никак не могу выветрить из носа. — Как спалось?

— Хорошо, — говорю осторожно. — Жених не приснился...

— Надо же, как интересно, — шуруется, ухмыляясь. — На новом-то месте?

— Именно, — фыркаю, сдерживая улыбку.

Дима хмыкает, довольный, как большой кот.

— У меня кровать заколдованная, — заявляет он серьёзно, но глаза смеются. — Здесь нет места другим мужикам. Ни в каком плане.

— В каком это — «ни в каком»?

— Ни во снах, ни наяву.

Повисает пауза. Я смотрю на Диму, он на меня. В комнате тихо, только где-то за стеной едва слышно гудит вентиляция.

— Спасибо, что оповестил, — иронично парирую, поддерживая игру. — А то мало ли, вдруг я бы надумала чего.

Он скупно усмехается, одними уголками губ, и тянет руку, чтобы убрать прядь с моего лица. От прикосновения кончиков пальцев к щеке и виску я внутренне вздрагиваю, но виду не подаю.

— Наташ, — говорит Дима тихо, и в голосе пропадает насмешка. — Ты... охрененная. Мне очень понравилось.

Вот так просто. Без пафоса, без витиеватых комплиментов. Просто — «охрененная, мне понравилось». И от этой простоты почему-то становится теплее, чем от длинных признаний.

Я знаю, что будет дальше — вижу это по Диминому взгляду: он снова становится жадным, голодным. По тому, как чуть заметно меняется ритм дыхания. По тому, как рука, ещё секунду назад лежавшая на простыне, теперь сжимает одеяло у моего бедра.

И я понимаю, что сама хочу продолжения. Моё тело хочет. Оно помнит, как он брал меня, как наполнял, как заставлял кричать в его ладонь. И если я сейчас останусь, если он снова притянет меня к себе — я не смогу остановиться.

Но я не хочу привязываться.

Это приходит не как мысль — как холодный душ где-то в районе солнечного сплетения. Я не хочу привязываться к нему с его квартирой в стиле графита, с его двенадцатью презервативами на неделю, с его взглядом, от которого подкашиваются колени. Всё это слишком хорошо. А слишком хорошо, как известно, долго не длится.

Я сажусь на кровати, натягивая на себя угол одеяла. Дима не двигается, но я чувствую его взгляд спиной.

— Мне пора, — говорю, не оборачиваясь.

— Давай сначала позавтракаем, — спокойно предлагает он.

— Позавтракаем?

— Вместе. Мне по утрам привозят завтрак. Через полчаса, — он бросает взгляд на настенные часы.

Я замираю. Этот простой, почти бытовой жест оказывается опаснее всего, что было ночью. Потому что ночью был секс. А утренний завтрак — это что-то совсем другое. Другой уровень.

Но отказаться не могу. Да и глупо сбегать, как девчонка, на цыпочках, когда мужик уже всё организовал.

— Ладно, — говорю, — давай позавтракаем.

Мы сидим за столом в большой светлой кухне, оформленной всё в тех же серых тонах, с графитовой стеной у окна. На столе кофе, свежавыжатый апельсиновый сок, тарелки с яичницей-болтуньей, тосты с авокадо, лосось, сыр, фрукты.

Я чувствую взгляд Димы. Нет. Я его ощущаю как касания.

Он смотрит на меня постоянно, и я стараюсь не поднимать глаз, потому что каждый раз, когда наши взгляды встречаются, я глупо смущаюсь. Это дико: мне тридцать пять, у меня за плечами не один роман, брак, я ещё вчера скакала на нём верхом, а сейчас веду себя, как школьница, которая боится поднять глаза.

Но Дима смотрит так... жадно. Не сводит взгляда с моих губ, когда жую тост, прослеживает движение моей руки, когда беру чашку. И от этого у меня потеют ладони и немеет кончик языка.

Я ловлю себя на мысли, что вспоминаю, каким он был ночью. Пальцы, впивающиеся в бёдра. Низкий рычащий голос. И мне становится жарко даже в прохладной кухне.

— Оставь свой номер, — вдруг говорит Дима, и я поднимаю глаза.

— Зачем?

Он откидывается на спинку стула, крутит в пальцах чашку с кофе.

— Я бы хотел с тобой ещё увидеться.

Вот оно.

Прямо. Без экивоков. Без дурацких «может, как-нибудь выпьем кофе». Просто — «хотел бы ещё увидеться».

Я молчу. Смотрю в свою чашку. Во мне всё переворачивается от того, что он это сказал, и от того, что я... что я даже не знаю, что ответить.

— Знаешь, — говорю наконец ровно. — Ты очень хороший мужчина. И всё это было... великолепно. Но я не готова.

— К чему?

— К отношениям. Мне сейчас не до них. Ты пойми, я не хочу никого обидеть или использовать. Просто...

Я замолкаю, потому что Дима встаёт. Огибает стол, садится на его край рядом со мной, наклоняется. Его лицо совсем близко — щетина, усмешка в уголках губ, взгляд тёмный, тяжёлый.

— Просто оставь номер, Наташ, — тихо говорит он. — Без обязательств. Чисто для... повторения эксперимента.

Я нервно и звонко смеюсь. Дима усмехается и вдруг придвигается ближе, прижимает меня к спинке стула. Я не успеваю ничего сообразить — только всхлипнуть, потому что его губы уже накрывают мои.

Поцелуй короткий. Дима не пытается его углубить. Просто даёт мне почувствовать вкус — свой, мой, кофе и тостов, что-то ещё, чего я не могу назвать.

— Ты уверена? — порочно шепчет он мне в губы.

Я киваю. Молча мягко, но решительно высвобождаюсь из его рук. Сердце колотится, как ненормальное, ладони дрожат, в паху снова влажно и горячо. Меня так и тянет обратно...

Но я не хочу привязываться.

Поэтому я просто встаю и говорю:

— Спасибо за завтрак. Было очень вкусно.

Дима открывает рот, чтобы что-то сказать, но я уже разворачиваюсь и ухожу в комнату.

Там на полу всё так же валяется моё платье. Поднимаю и встряхиваю его. Надеваю. Волосы собираю в жгут и завязываю узлом на затылке — хоть какой-то порядок.

Выхожу в коридор. Дима уже там. Прислонился плечом к стене, руки в карманах штанов.

— Я тебя отвезу, — говорит.

— Не стоит, я вызову такси.

— Наташ...

— Дим, правда — не надо.

Он молчит. Смотрит на меня спокойно, без обиды, без укора. И я вдруг понимаю: кажется, я сделала правильно. Потому что ещё минута, и я бы сдалась.

Открываю дверь.

— Спасибо тебе за всё, — говорю, поворачиваясь на пороге.

— Пожалуйста, — отвечает он, и мы оба смеёмся. — Ты такая... непосредственная, — качает он головой.

Ничего не отвечаю. Просто улыбаюсь краешками губ и ухожу.

Лифт спускается слишком долго. Я смотрю на закрытые двери, на своё расплывчатое отражение — сонное, без косметики, но счастливое.

Мое тело всё дрожит. И сердце, и руки, и те самые места, которые Дима так хорошо расшевелил за эту ночь.

Когда сажусь в такси, выдыхаю, и откидываюсь на подголовник.

Всю дорогу смотрю в окно. Дома, машины, люди — всё проплывает мимо, а я не вижу ничего. Я всё там же — в серой квартире, на его кровати, в его руках.

Приезжаю домой. Раздеваюсь прямо в прихожей, отправляю платье в корзину для стирки. Набираю полную ванну, щедро добавляю любимую пену с запахом хвои и апельсинов.

Залезаю в горячую воду и закрываю глаза.

Тело гудит. Ноет. Вспоминает. Каждая клетка, кажется, хранит прикосновения Димы. Я провожу ладонями по животу, по бёдрам, по тому месту, которое до сих пор пульсирует, и улыбаюсь.

Было хорошо.

Очень-очень хорошо.

6. Наталья

Приложив карточку к турникету и услышав знакомый сигнал, я прохожу мимо поста охраны.

— Доброе утро, Наталья! — голос Ивана Степановича, охранника, разносится эхом по почти пустому вестибюлю.

Я оборачиваюсь на ходу, машу ему рукой, и на лице сама собой расплзается улыбка.

— Доброе утро, Иван Степаныч! — кричу через весь холл. — Хорошего дня!

Он кивает, его лицо расцветает в ответной улыбке. Каждый день одно и то же, и каждый раз это делает утро чуточку теплее.

Прохожу мимо холла к лифту, а там скопилось много людей — серый муравейник из пиджаков, планшетов и сонных лиц. Мысленно чертыхнувшись, я разворачиваюсь и иду на лестницу. Каблуки дробно стучат по кафельным ступеням, ритм шагов отдается в висках.

Офис встречает густым запахом кофе. Я сглатываю. Черт, до чего хочется заварить свой, со вкусом карамели. Я уже почти чувствую его на языке, пока петляю по коридорам к своему кабинету.

Вокруг кипит жизнь. Монотонный гул техники, приглушённые голоса, шуршание бумаг — привычная симфония утра.

Я захожу в свой кабинет. Он небольшой, но очень светлый. Первым делом снимаю пиджак, вешаю на плечики, отправляю в шкаф. Подхожу к кофемашине, загружаю, нажимаю кнопки.

Пока она шипит и пыхтит, подхожу к окну, обхватив себя руками.

Новый день только набирает обороты. Небо идеальное, чистое, солнце уже яркое. Чувствуется — будет очень тепло. Ощущение такое, будто лето вот-вот вступит в свои права. Жарко. Я жалею, что не надела юбку и легкую блузку.

Кофемашина издает мелодичный сигнал — кофе готов. Я беру чашку, подношу к губам, и тут же взгляд словно по команде цепляется за стол. Там хаотично разложены конспекты, листы из блокнота с пометками. Рядом стоит флипчарт с набросками схем, которые я рисовала вчера. Раскрытый Кодекс с торчащими закладками смотрится так, будто я книжный блогер, а не юрист.

До экзамена на получение статуса адвоката остается чуть больше двух недель.

Последнее время я существую в жёстком режиме: работа, учёба, сон, работа. Иногда кажется, что я превратилась в биоробота. И та ночь с Димой... она не вписывается. Вообще. Ни в один график. Он — как оазис среди пустыни будней. И моё тело до сих пор помнит. Пульсирует воспоминанием.

Такое чувство, что это был мираж. Что это было не со мной.

В дверь деликатно стучат. Я вздрагиваю и поднимаю голову.

В кабинет входит Аркадий Петрович, мой начальник. Ему шестьдесят, густая седая шевелюра и по-молодому цепкий взгляд. Глаза добрые, но всё подмечающие — мгновенно останавливаются на моём лице.

— Трудимся? — В его голосе сквозит почти отеческая насмешка.

Я поспешно отодвигаю папки.

— Доброе утро, Аркадий Петрович. Как обычно. Готовлюсь, — киваю на стол.

— К экзамену? — Он проходит в кабинет, аккуратно прикрывает за собой дверь. Смотрит на меня, потом на стол. — Это похвально, но ты, смотрю, на работе себя не жалеешь, — указывает на раскрытую папку. — Дело Петровых?

Я усмехаюсь, в голосе появляются живые нотки:

— Петровы, Ивановы, Сизова с наследством... Бесконечный круговорот разводов и семейных драм. У Петровой, кстати, муж скрыл совместный кредит. Теперь доказываем, что он оформлял его без её ведома.

Аркадий Петрович одобрительно кивает, садится напротив в кресло для посетителей и с легким стуком кладёт на стол новую папку.

— Умница, Наташа. А вот это дело Вешнякова. Тоже развод, но с особенностями. Там бизнес, доли в ООО и, как я понял, истерия на грани театральной постановки. Клиентка — дама с характером, будет требовать справедливости любой ценой. Думаю, тебе это дело отлично зайдет на фоне подготовки к процессам. Ты сейчас как никто в теме. Адвокату потом эти навыки пригодятся. Практика — лучший учитель.

Беру папку, мельком взглянув на первый лист.

— Спасибо, Аркадий Петрович. Сделаю.

Он задерживает на мне взгляд чуть дольше обычного.

— Всё хорошо? Ты не выспалась? Может, стоит сбавить темп? Экзамен — это важно, но здоровье важнее.

Я улыбаюсь, мои щеки наливаются теплом, но не от стыда, а от такой неприкрытой, почти отеческой заботы. Чувствую себя той девчонкой, которая пришла впервые после универа и сразу попала под крыло Залесского.

— Всё нормально, Аркадий Петрович, — мягко отвечаю. — Я справлюсь.

Ну не буду же я говорить, что проснулась в три часа ночи и полтора часа лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, чувствуя на коже чужое тепло, которое уже должно было выветриться. Но почему-то оно меня так и преследует. Это наваждение какое-то. И оно сбивает.

Злюсь на себя за эту слабость, но ничего не могу поделать.

Аркадий Петрович понимающе кивает. Он из тех мужчин, которые уважают границы и чувствуют, когда человека лучше не трогать. Лишь говорит перед уходом, останавливаясь в дверях:

— Если что, я в кабинете. И, Наташа... не перегори. Хорошие юристы — штучный товар. Хорошие адвокаты — тем более.

Дверь закрывается. Щелчок замка отсекает меня от остального мира.

Выдыхаю с облегчением. Откидываюсь в кресле и на секунду, всего на одну короткую секунду, прикрываю глаза.

Но стоит мне это сделать, как сразу мерещится голос. Тихий, чуть хрипловатый. Таким он шептал мне перед тем, как...

Стоп.

Сердце делает лишний удар. Я распахиваю глаза, хватаю ручку так, словно она может меня удержать. Вцепляюсь в ежедневник, веду линию, потом ещё одну. Не важно что, лишь бы заполнить тишину движением.

Работа — лучшее лекарство.

Я ныряю в бумаги, а щеки всё ещё горят непрошенным румянцем.

Когда я выхожу на парковку после обеда, мысленно уже прикидываю маршрут: куда удобнее заехать, где припарковаться. Пиджак сползает с локтя, сумка на плече норовит упасть, ремень впивается в ключицу. Чертыхаюсь, пытаюсь достать ключи из кармана пиджака.

Я почти бегу. Лавирую между деловыми костюмами и вечно снующими курьерами — они тормозят посреди дороги, уткнувшись в телефоны. В голове пулемётной очередью уже прокручивается список дел: суд, потом клиентка, потом снова суд. И надо успеть до того, как секретарь закроет приёмную.

Моя красненькая стоит на обычном месте — в дальнем углу парковки.

Подхожу и вижу: вплотную к моему бамперу, буквально нос к носу, приткнулся чёрный паркетник. Блестит так, что глаза режет — начищен до зеркала, сволочь. В отражении я вижу своё озадаченное лицо.

Леонид Струкалин.

Я узнаю эту машину из тысячи. Так же, как и её владельца — за километр. По тяжёлой давящей походке, по вечному запаху дорогого табака, который въедается в одежду, и фальшивой заботе, от которой сводит скулы.

Внутри всё сжимается в тугий узел. Раздражение поднимается из глубин тела, адреналин гонит сердце биться чаще.

Струкалин не просто припарковался. Он меня подпёр. Специально. Чтобы я не могла выехать, и тогда мне придётся набрать его номер.

— Козёл, — шиплю я в пустоту.

И со всей дури пинаю колесо.

Сигнализация коротко, пронзительно, истерично взывает. Я морщусь.

Открываю дверь своей машины, отправляю вещи на соседнее сиденье. Снова обхожу автомобиль Струкалина. Сжимаю кулаки. Собираюсь пнуть ещё раз...

Но тут же слышу за спиной размеренные, чуть скрипучие шаги. Он идёт. Не торопится. Знает: я никуда не денусь.

— Какая нетерпеливая. — Голос сочится ехидством. — Наталья Евгеньевна, вы ли это? С виду приличная женщина. Поберегли бы свои туфельки. Итальянские, кажется? Жалко портить о казённое имущество.

Я медленно поворачиваюсь.

Леонид Валентинович стоит, расставив ноги. Дорогой пиджак перекинут через плечо, рукава белой рубашки закатаны до локтей. Открываются волосатые предплечья. На лице — маска доброжелательного ехидства, но глаза колючие, злые. Как у хорька.

Наш старший юрист. Сорок пять, жена, двое детей и пара огромных комплексов на тему женщин, которые сказали ему «нет».

Глаза у него горят. Потому что он ждал звонка. Потому что рассчитывал: я позвоню, унижусь, попрошу.

— Вам бы, Леонид Валентинович, — мой голос звучит тонко, как шёлковое лезвие, — не мешало бы пересдать экзамен по вождению. Или вы права вместе с сигнализацией на рынке купили? Я слышала, там сейчас хорошие скидки на всё поддельное.

У него дёргается щека, под глазом дрожит нерв. Я научилась считывать эти знаки как первые звоночки взрыва. Кулаки сжались, костяшки побелели. Но Струкалин сдерживается. Пока.

— Вы, — цедит, — не слишком ли рано уходите? Рабочий день в разгаре. Или у вас сверхсрочные... э-э... дела? — Он кривит губы, будто пробует лимон. — Или, может, личные? Очень личные?

Я расправляю плечи, сводя лопатки вместе. Опираюсь рукой на капот своей машины, смотрю в глаза, не моргая.

— Я должна перед вами отчитываться? Насколько я помню, у меня один начальник — Аркадий Петрович. Он в курсе моих передвижений.

Струкалин криво и неприятно усмехается, вертит в руке брелок. Металлический звон режет слух.

— В курсе, не в курсе... — тянет он, смакуя каждую букву. — Но завтра утром будьте так любезны предоставить мне полный доклад по делу Петровых. Весь материал. В суд. Готовый. — Он чеканит последние слова, будто ставит печать на приговоре. — Проверю лично. Каждую страницу. Каждую запятую.

Гад мстительный. Мелкий, злобный, мстительный гад.

Он специально меня задержал. Теперь я не успею — суд отодвинется, клиентка будет ждать, а потом я сяду за бумаги Петровых и просижу до ночи.

Но вслух я говорю совершенно спокойно, даже с лёгкой скукой:

— Всё будет, Леонид Валентинович. Можете не волноваться о моём расписании. Оно, знаете ли, и без вас плотное. — Я чуть наклоняю голову, улыбаюсь одними уголками губ. — А теперь, если вы закончили, дайте мне уже дорогу. У вас, кажется, совещание через двадцать минут? Не опаздывайте. Аркадий Петрович не любит ждать.

Струкалин прожигает меня взглядом. В глазах — смесь ненависти, обиды и большой гордости. Хочет сказать ещё что-то. Хочет ударить словом. Но я демонстративно смотрю на часы.

Он разворачивается. Небрежно бросает пиджак на водительское сиденье. Демонстративно медленно садится. Хлопает дверью. Заводит двигатель, и чёрный паркетник мягко откатывается на три метра и встаёт ровно, как по линейке, на соседнем месте. Красиво. Идеально. Издевательски правильно.

Я выезжаю с парковки, глядя в зеркало заднего вида. Струкалин возвращается в офис, провожая мою машину взглядом.

Поднимаю руку, поправляя волосы. И мысленно показываю ему средний палец. Достал...

Поворачиваю руль и нажимаю педаль газа, вклиниваясь в поток.

7. Дмитрий

Парковка в центре — это всегда лотерея, в которой я сейчас проигрываю. Десять минут я наматываю круги по переулкам, сжимая руль так, что костяшки белеют. Где-то на задворках сознания мелькает мысль, что можно было бы и на такси, но я отмахиваюсь. Привычка. Я

вообще человек привычки. В итоге бросаю машину в двух кварталах от «Дыма». Ненавижу опаздывать. Ненавижу, когда всё идет не по плану.

Пока иду, пальцы сами тянутся к телефону. Автоматически, как рефлекс. Вытаскиваю, скольжу взглядом по экрану. Проверяю почту, пролистываю отчёты. Деловая привычка.

«Дым» встречает меня запахом жареного мяса и табака и гомоном голосов. Нахожу Егора сразу. Он сидит за нашим обычным столиком у окна, склонившись над телефоном, лениво водит пальцем по экрану, прокручивая ленту. Спокойный, собранный. Будто и не женился неделю назад.

— Здорово, — хлопаю его по плечу, сжимаю чуть сильнее, чем надо.

Он поднимает голову.

— Привет.

Сажусь напротив.

Мы здесь часто обедаем. Место проверенное: готовят отлично, ненавязчивый сервис.

Я прошу у официанта воды сразу, и мы заказываем еду. Дежурные фразы проскальзывают между нами, как монетки в автомате. «Как работа?», «Что по проекту?», «Нормально», «Закрыл сделку». Я киваю, слушаю, но внимание утекает, как ртуть. Егор говорит быстро, с огнём в глазах, жестикулирует, рассказывая о новой схеме. Он живёт этим. Горит.

А я ставлю локти на стол и спрашиваю:

— Ну что, как жизнь семейная?

Егор замолкает, его рука с вилок повисает в воздухе. Улыбка, которую он выдавливает, натянутая, формальная. Чужая.

— Да как... — пожимает плечами, и я вижу, как они напрягаются. — Никак.

Я приподнимаю бровь:

— В смысле?

Он откидывается на спинку стула, и в этом движении чувствуется усталость. Шумно выдыхает.

— Спим в разных комнатах. Всё по договору.

Откладываю нож с вилок. Кладу их аккуратно, параллельно, как хирург перед операцией.

— Слушай... — говорю медленно, взвешивая каждое слово, — когда ты сказал, что прописал это в контракте... пункт про супружеский долг... Я тогда офигел, но промолчал. Думал, ты шутишь.

Егор нервно хмыкает.

— Ну да. А как? У нас договор. По сути, мы чужие друг другу.

— Это странно, — говорю, не повышая голоса. — Я понимаю контракты. Я сам на них сижу. Но прописывать, когда трахаться, а когда нет... Ты сам себя закопал. И даже венки не заказал.

Егор перебивает меня, смотря в упор:

— Ты что, сомневаешься во мне?

Я усмехаюсь:

— В тебе? — качаю головой. — Нет, брат. Просто ты гений самоусложнения.

Егор фыркает, отводит взгляд за окно, смотрит на проезжающие машины.

— Зато свадьба норм получилась, — говорит с горечью, приправленной сарказмом.

Я хмыкаю.

— Свадьба — да, — соглашаюсь. — Отрыв был знатный.

И вот здесь я спотыкаюсь. Потому что память услужливо подсовывает картинку. Наташа. Её улыбка. Как она смотрела. Как поправляла волосы. Идеальное оружие массового поражения.

— И продолжение, кстати, тоже, — вырывается раньше, чем мозг ставит блок. — Хорошо, ты не додумался включить пункт «никакого секса между свидетелями».

Егор дёргается и поворачивает голову:

— Чего?

Я замираю. Понимаю, что сказал это вслух. Черт...

— Да так, — бормочу я, хватаю стакан с водой, делаю глоток. Вода — холодная. Она обжигает горло. Может, поможет остыть.

— Погоди... — Он щурится, как следователь на допросе. — Повтори, Шолохов.

— Да ладно, забей, — говорю я, но голос хрипит.

— Шолохов...

Егор использует мою фамилию, только когда хочет вытрясти правду. Я знаю эту его привычку двадцать лет. И сдаюсь.

— Мы с Натальей... — пожимаю плечами, стараясь выглядеть беззаботно, но голос садится, — с подружкой Лиды. В общем... продолжили банкет. У меня.

Егор смотрит на меня секунду. Потом откидывается и вдруг ржёт — басовито, открыто, так, что соседний столик оборачивается.

— Ну ты зверь, Шолохов!

Внутри всё сжимается от того, что этот момент снова оживает. Плавные движения бёдер, обнаженные ягодички, собравшееся платье на тонкой талии, покачивающаяся походка, когда после стремительного секса она пошла в ванную. Сомневаюсь, что это сотрётся даже инсультом.

И от этого воспоминания кровь толчками устремляется к паху, наполняя тело желанием. Я моргаю, возвращаясь в реальность, и понимаю, что Егор что-то говорит.

— ...и как она? — доносится сквозь шум в ушах.

Кривлю усмешку:

— Тебе в подробностях?

Он усмехается. Его явно веселит разговор.

— Обойдусь, — говорит он, и в голосе проскальзывают нотки смеха.

Я на секунду зависаю. Как её описать? Красивая? Да. Конечно. Но не в этом дело. Не только.

— Она... — Я медлю. — Живая.

— В смысле? — Егор поднимает бровь.

Я усмехаюсь.

— В прямом. Настоящая. С ней не надо играть. Не надо ничего изображать. Она... — замолкаю, подбирая слова, — она просто есть. И это заводит.

Я вспоминаю, как Наташа смеялась — заразительно, громко, не стесняясь. Как потом лежала тихо, уткнувшись лбом мне в плечо. Её волосы пахли чем-то сладким. Без понтов. Без надрыва. Просто была самой собой. Не пыталась мне понравиться. И это ломает шаблоны. И мне это чертовски нравится.

Егор качает головой. Смотрит на меня с какой-то странной смесью уважения и зависти.

— Хоть у кого-то на этой свадьбе был секс.

Я издаю сдвленный смешок.

— Ну, свидетели хотя бы не облажались.

Он смеётся. И я тоже.

Но где-то под рёбрами остаётся ощущение, что это было не просто «продолжение». Что это было что-то большее. И это уже не кажется смешным.

Я беру вилку, втыкаю её в мясо на тарелке, но мысли всё равно утекают к ней. К Наташе...

После обеда я выхожу из ресторана, чувствуя, как плотный стейк с овощами приятно тяжелеет в животе. Настроение — боевое, с едва уловимым привкусом утренних воспоминаний. Солнце слепит, я щурюсь, поправляю галстук и сажусь в машину. Двигатель рычит, и мой конь вливается в поток.

Работа ждёт.

Офис встречает меня прохладой кондиционеров.

По пути в кабинет бросаю взгляд на секретаря. Жанна Владимировна — моя правая рука уже много лет. Знает всё про всех, терпит мой характер и умеет осадить любого партнёра одной фразой. Киваю ей, смотрю на часы на запястье и негромко прошу:

— Жанна, кофе как обычно.

«Как обычно» — это один из товаров нашей новой линейки, тот самый, который я собираюсь представить в сети кофеен в Казани. Каждый сорт из этой коллекции я дегустирую лично.

Кабинет просторный. На столе, как всегда, маятник Ньютона. Подарок коллеги. Символ стремления к балансу. Иногда я трогаю его пальцем, чтобы успокоить нервы, достичь дзена. Сегодня не тот случай.

Захожу, бросаю пиджак в кресло, сажусь во главе стола. Поправляю манжеты на рубашке и обнаруживаю расстёгнутую пуговицу. Бросаю взгляд на часы — через несколько минут начнется ежедневная летучка с тремя моими лучшими менеджерами: Степан — по закупкам, Ольга — по продажам и Андрей — по логистике. Надеюсь, их новости не вынудят меня запустить маятник.

Дверь открывается, они заходят по очереди, тихо, словно боятся спугнуть удачу. Степан нервно крутит в руках планшет, Ольга поправляет очки, Андрей сразу садится на своё место и утыкается в документы.

Откидываюсь в кресле, кладу руки на стол, сцепляю пальцы в замок.

— Поехали. С чего начнём? — произношу спокойно, почти дружелюбно, но тишина в ответ звенит, как натянутая струна.

Степан ёрзает, косится на Ольгу. Я этот взгляд ловлю. Внутри всё холодеет. Хреновый знак.

Ольга прочищает горло, тербит край блейзера и выдавливает:

— Дмитрий Валерьевич, по последней партии эспрессо-бленда — брак. Третья партия подряд, из Колумбии. — Она сглатывает. — Зерно пережжённое, вкус горький, клиенты жалуются. Мы проверили поставщика — он клянётся, что это допустимая норма, но я так не считаю.

В горле пересыхает, желваки ходуном. Медленно, словно во сне, тянусь к маятнику, щёлкаю по крайнему шару, и металлический звон разрезает тишину. Шар бьёт другой, потом третий — и они начинают свой успокаивающий, как колыбельная, бег. Но меня это не успокаивает.

Перевожу взгляд на Степана.

— Степан, — говорю холодно, — ты слышал? Третья партия брака. Ты у меня отвечаешь за качество. Объясни, почему я должен держать тебя в штате?

Степан сглатывает, поднимает глаза, но тут же опускает.

— Дмитрий Валерьевич, мы уже связались с поставщиком, он обещал замену. Лично я контролировал образцы.

— Контролировал, говоришь? — Я прищуриваюсь и чувствую, как желваки ходят. — Тогда почему в продажу ушла горелая дрянь? Ты сам пил этот кофе? Пробовал?

Степан сжимает планшет, по его лбу скатывается капля пота.

— Пробовал... На мой вкус — приемлемо.

— На твой вкус? — поддаюсь вперед. — А мои клиенты, Степан, заказывают на свой вкус. Не на твой. Ты понял разницу?

Он часто моргает, кадык дёргается.

— Так точно...

Я откидываюсь, скрещиваю руки. Голос становится тихим — это всегда опаснее крика.

— У тебя неделя, чтобы исправить ситуацию. Либо ты меняешь поставщика, либо я меняю тебя. Решать тебе. Свободен.

Степан вылетает пулей из кабинета. Андрей и Ольга сидят молча, не дыша.

Я перевожу взгляд на Андрея, проводя рукой по лицу — стираю остатки раздражения.

— Андрей, по логистике вопросы? Новый филиал в Казани. Транспортное плечо про- считали?

Он выпрямляется, кивает бодро — но глаза шальные.

— Да, всё в работе, Дмитрий Валерьевич. К запуску успеем.

— Добро. — Я перевожу взгляд на Ольгу. — Ольга, с тебя маркетинг. Чтобы на старте была шумиха. Обзоры, блогеры, акции. Бюджет не ограничиваю. Жду отменный результат. — Я выделяю каждое слово. — Ясно?

Ольга кивает часто-часто, как болванчик.

— Сделаю, Дмитрий Валерьевич!

— Все свободны, — машу рукой и отворачиваюсь к окну.

Они выходят, закрыв дверь. Кабинет наполняется тишиной. Маятник всё ещё качается — мерно, успокаивающе. Я откидываюсь в кресле и вдруг снова думаю о Наталье.

Встречи с женщинами на одну ночь для меня не редкость. Особенно после того, как развёлся в двадцать. Молодой долбоёб решил, что создать семью в восемнадцать — это круто. Мужик, хер ли! А на деле — обычная похоть и желание иметь постоянного партнёра для секса.

Развёлся. И с тех пор обхожу ЗАГСы десятой дорогой. Зачем? Тем более кандидатур подходящих и не было. Вокруг вертелись телки, которым нужны только счёт и статус.

Такие встречи стали для меня нормой. Встретился, утолил потребность — и адъёс, как говорится.

Но Наталья... С ней всё иначе.

Я даже не пытаюсь анализировать свой поступок, когда беру телефон и, открыв записную книгу, без труда нахожу нужный номер.

Кирилл. Начальник моей службы безопасности.

Набираю, жду гудка, сжимаю губы. Трубку берут почти сразу.

— Слушай. Мне нужна информация на одного человека. Соцсети, контакты, адрес — всё, что узнаешь.

Диктую данные.

— Понял, Дмитрий Валерьевич. Сделаем.

Заканчиваю разговор, тру лицо ладонями.

Вот чёрт. Нашёл же время для личных драм.

Но ничего не могу поделать. Такая женщина не забывается за один день.

И я не собираюсь её забывать.

Я хочу её снова увидеть...

8. Наталья

Я просыпаюсь за час до будильника. Тело ещё ватное после сна, но мозг уже «складывает в сумочку»: паспорт, распечатка подтверждения, копия квалификационных документов, две ручки, вода.

Знаю, что к этому экзамену готова лучше, чем к любому другому в жизни. За плечами университетский красный диплом, десять лет юридической практики и главный козырь — полторы сотни дел, доведённых до логической развязки не для галочки, а для людей.

Но всё равно слегка подташнивает. Лёгкая, назойливая волна подкатывает к горлу, заставляя сделать глубокий медленный вдох. Смотрю на своё отражение в зеркале прихожей, натягивая идеально отглаженные строгие брюки. Лицо серьёзное, чуть бледное, волосы собраны в тугий безупречный узел.

— Волнуются только студенты и неподготовленные, — бормочу я себе под нос, поправляя манжеты белой блузки.

Я не то и не другое. Значит, это не волнение, а адреналин, который нужно направить в нужное русло.

Июньское утро встречает приятной прохладой, воздух пахнет свежее скошенной травой, влажной землёй и горьковатым кофе из уличного киоска. Этот запах я обожаю до одури. Он пахнет жизнью, началом, возможностями. Делаю паузу, вдыхая полной грудью.

В Адвокатскую палату приезжаю быстро — город без пробок: летом их всегда меньше.

Сдаю документы секретарше. Она тщательно проверяет каждый лист.

— Присаживайтесь. Вас вызовут, — сухо бросает мне.

Жду. Не сижу, а неспешно брожу по длинному пустынному коридору. Каблуки вежливо стучат по паркету.

Я спокойна. Собрана. Готова.

Уголки губ ползут вверх в почти дерзкой улыбке.

— Наталья Евгеньевна, проходите.

Захожу. Аудитория просторная, с высокими окнами. За длинным столом сидят пять экзаменаторов. Солидные лица, на которых читаются годы беспристрастного принятия решений. И среди них Залесский Аркадий Петрович, мой начальник. Мой наставник.

Он кивает мне чуть заметно, по-свойски. Я отвечаю едва уловимым движением уголков губ.

Начинается. Вопросы льются размеренным потоком. Сначала общие: об истории адвокатуры, о принципах этики. Потом — о моей практике.

Экзаменаторы слушают, кто-то кивает, кто-то делает пометки, кто-то просто смотрит, оценивая.

Потом разыгрывают юридическую сцену — провокационный кейс, где нужно принимать решение за секунду. Я разбираю его с лёгкостью, раскладываю по полочкам так, что видно: это не зубрёжка, а опыт.

Залесский слушает, откинувшись на спинку стула, и в уголке его глаза появляется та самая едва уловимая искорка удовлетворения.

Обсуждение, тихий шёпот комиссии, который кажется оглушительным в тишине зала. И наконец председатель говорит:

— Учитывая безупречное собеседование, высочайшие результаты письменных тестов и рекомендацию от коллегии, комиссия единогласно... Поздравляем, Наталья Евгеньевна. Экзамен сдан. Подождите несколько минут в коридоре, пока мы подготовим документ для канцелярии.

Сначала я не понимаю своих эмоций. Встаю из-за стола на негнущихся, словно ватных, ногах. Вежливо кланяюсь, благодарю, забираю документы. Пожимаю руки экзаменаторов. Залесский сжимает мою ладонь чуть сильнее и на долю секунды дольше.

Выхожу в коридор. Дверь закрывается за мной с мягким щелчком, отсекая тот мир, и на меня обрушивается... пустота. Огромная, физически ощутимая. Из меня будто выдернули тот самый стальной стержень, на котором всё держалось все эти месяцы подготовки.

Ноги едва держат. Я прислоняюсь спиной к прохладной стене, закрываю глаза, делаю глубокий вдох.

А потом осознание доходит до мозга:

теперь я стану адвокатом.

Не просто юристом — адвокатом со всеми правами, полномочиями и ответственностью. Осталось только принять присягу.

Возникает дикое, почти детское неконтролируемое желание закричать от гордости, облегчения, страха и немыслимой запредельной радости.

Но я не кричу. Потому что в этот момент в сумке настойчиво вибрирует телефон.

На экране высвечивается незнакомый номер. Деловая привычка, вбитая годами, — брать трубку сразу на втором гудке, чтобы клиент или коллега не успел передумать или засомневаться.

— Слушаю, — говорю деловым тоном.

— Привет. —

Голос знакомый. Низкий, чуть хрипловатый. И звучит с той интонацией, которая невозможна между незнакомыми людьми.

Я хмурюсь, пытаюсь привязать его к лицу. И понимаю, что это Дима. Свидетель на свадьбе Лиды, с которым у меня была самая прекрасная в жизни ночь.

И сейчас, на фоне этой опьяняющей эйфории от победы, воспоминание накатывает не просто картинкой, а почти физическим ощущением. По телу пробегает теплая сладкая волна, концентрируется внизу живота, вызывая предательское томление между бёдер. Щёки горят.

— Привет, — осторожно отвечаю.

— Как дела?

— Всё отлично! — выпаливаю, потому что переполнена эмоциями. — Можешь поздравить — я только что сдала экзамен и буду адвокатом!

Повисает короткая пауза.

— Серьёзно?.. Поздравляю, это здорово, — слышу в голосе искреннюю улыбку. — Как насчёт...

Меня окликают, и я перебиваю Диму:

— Извини, меня зовут. Я сейчас не могу говорить. Я... я тебе перезвоню.

Я почти чувствую, как он на том конце борется с желанием настоять на ответе.

— Хорошо, — говорит он наконец ровно. — Жду звонка.

Связь обрывается. Я смотрю на потухший экран. Пальцы всё ещё дрожат, но теперь уже от чего-то другого. Делаю глубокий вдох и иду в кабинет завершить тут экзаменационные дела.

Вечером меня все поздравляют. Коллеги принесли шампанское, кто-то заказал капкейки с надписью «Поздравляем, адвокат!». Это так мило. Совсем не в моём стиле, но я улыбалась от всей души. Чувствую себя героиней, достигшей цели. Счастливой.

Вечер плавно перетекает в ночь. Офис опустел, коллеги разошлись. Я стою у открытого окна в переговорной, обнимая себя за плечи. Лёгкий ветер шевелит непослушную прядь волос. В голове — приятный туман. Я чувствую себя лёгкой. Почти невесомой.

Достаю телефон. Листаю журнал звонков, чтобы отыскать среди множества имён одно. Дима. Я так и не перезвонила днём. Закрутилась. Но сейчас, под вечер, когда адреналин схлынул, а на смену ему пришла сладкая усталость, я понимаю: мне очень хочется его услышать.

Нажимаю «вызов» и прижимаю трубку к уху. Гудок. Ещё один.

— Наталья? — Его приглушенный голос звучит озадаченно.

— Привет, — говорю мягко. — Не разбудила?

— Ты шутишь? — Он усмехается. — Я весь день ждал этого звонка.

Я улыбаюсь и отворачиваюсь к окну, чтобы скрыть эту глупую улыбку, хотя рядом никого нет.

— Я знаю, — отвечаю капризно, чуть растягивая слова. — Прости. День был сумасшедший. Меня поздравляли, поили, кормили... Я теперь почти знаменитость.

— Почти? — В его голосе слышна усмешка. — Ты героиня. Как минимум.

Я тихо смеюсь, проводя пальцем по гладкому подоконнику.

— Героиня, которая сейчас стоит одна в пустом офисе и чувствует себя слегка... космически. Ты не представляешь, какое это странное чувство — когда цель, к которой шла годами, наконец достигнута. Будто земля уходит из-под ног.

— Опасное состояние, — говорит он с мягкой иронией. — Особенно когда рядом нет никого, кто мог бы тебя подхватить.

Я молчу секунду, переваривая его слова. И вдруг понимаю, чего хочу на самом деле. Не такси. Не метро. Не гордого одиночества. Я хочу, чтобы меня забрали.

— А знаешь... — начинаю я, и в моём голосе появляется игривая, чуть пьяная хрипотца. — А ты можешь меня подхватить?

Пауза. Он молчит ровно столько, чтобы я успела почувствовать, как пульс разгоняется.

— Ты где? — спрашивает коротко и серьезно.

Я называю адрес, и мой голос звучит доверчиво, почти по-детски.

— Только я предупреждаю, — добавляю с вызовом. — Я слегка... нет, хорошо так навеселе. Буду капризной, требовательной и, возможно, попрошу тебя везти меня не домой, а куда-нибудь... смотреть на ночной город.

Он смеётся — низко, тепло.

— Звучит как лучший план за последнее время. Жди. Я буду через двадцать минут.

Я отключаюсь, смотрю на потухший экран, а затем в темноту за окном, где зажигаются вечерние огни.

Настроение — игривое, лёгкое, чуть дерзкое. Я поправляю блузку, расстёгиваю верхнюю пуговицу, распускаю тугий узел волос, чуть взъерошивая их. Смотрю на себя в тёмное окно и улыбаюсь своему отражению.

9. Наталья

За то время, что жду Диму, я успеваю выпить стакан воды из кулера, поправить макияж, посмотрев в зеркало офиса и трижды передумать — стоит ли вообще это делать? Стоит.

Смотрю на себя в зеркале. Волосы рассыпаны по плечам мягкими волнами, блузка расстёгнута на лишнюю пуговицу, губы чуть припухшие — я покусываю их, когда нервничаю. Выгляжу неофициально. Именно так, как женщина, которую ждёт встреча с привлекательным мужчиной.

И мне это чертовски нравится.

На душе тепло и трепетно, будто шампанское до сих пор играет. Но шампанское тут ни при чём.

— Наталья Евгеньевна, что-то вы припозднились, — голос охранника выдёргивает меня из размышлений, когда я пересекаю вестибюль с его приглушённым светом.

Я оборачиваюсь, улыбаясь:

— Уже уйду. Всего доброго.

— Всего доброго, — кивает он с улыбкой.

А я уже скольжу к дверям и чувствую, как сердце ускоряется.

Выхожу на улицу. Влажный вечерний воздух приятно обнимает. Делаю глубокий вдох и замечая на парковке чёрный внедорожник. Дима стоит, опершись на капот.

Он в синих джинсах и джемпере. Тень от фонаря обрамляет его лицо: резкие скулы, лёгкую небритость, пристальный взгляд. Дима не спеша проходится им по мне. Сначала смотрит в глаза, задерживается. Потом опускается к губам, ключицам, декольте, и я чувствую этот взгляд кожей — такой горячий, плотный. Ощущение, что Дима раздевает, не прикасаясь.

И моё тело откликается ещё до того, как успеваю это осознать: жар разгоняется по венам, пальцы дрожат, лёгкий холодок бежит вдоль позвоночника.

На капоте лежит огромный букет персиковых пионов. Я чувствую их запах на расстоянии.

— Это мне? — спрашиваю, подходя. Голос звучит чуть хрипло — сказывается и волнение, и выпитое, и то, как Дима на меня смотрит.

— Тебе. Поздравляю с успехом, — протягивает он мне цветы.

Принимаю их осторожно, как нечто драгоценное и хрупкое, и утыкаюсь носом в лепестки. Вдыхаю и смотрю на Диму поверх букета. Тёмные искрящиеся глаза следят за каждым моим движением.

— Ты знал? — прищуриваюсь. — Откуда ты знал, что я люблю пионы?

Он небрежно пожимает плечами.

— Угадал.

— Угадал он, — фыркаю, но букет прижимаю к груди крепче. Закрываю глаза на секунду, вдыхаю сладкий, чуть терпкий аромат. Голова кружится. — Мужчины обычно розы дарят. Колючие, пафосные. А ты нежные пионы.

— Ты не похожа на розу.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

Я смеюсь.

А Дима смотрит на меня серьёзно, с таким сексуальным голодом, что слабеют колени.

— Ну что, повезёшь меня домой? — спрашиваю игриво и чуть прикусываю губу.

Дима прослеживает этот жест и замирает. Вижу, как темнеет его взгляд.

— Узнаешь, — отвечает Дима.

Дима открывает дверцу машины. Ставлю ногу на подножку, но она предательски соскальзывает, и Дима подхватывает меня мгновенно. Врезаюсь в него грудью, и мир схлопывается до нескольких точек: его пальцев, его дыхания у моей щеки, его запаха. Я почти не дышу.

— Осторожнее, — говорит он.

Я поднимаю голову и вижу, как Дима сглатывает. Он меня не отпускает, почему-то медлит.

— Это был способ упасть к тебе в объятия, — пытаюсь пошутить.

Дима усмехается, глаза его блестят, в них вспыхивает интерес.

Он проводит ладонями по моему телу, обещая гораздо больше, чем просто объятия. У меня перехватывает дыхание и становится тепло между ног. Моя реакция на этого мужчину слишком острая.

И дело вовсе не в выпитом игристом, а в близости Димы и напряжении, которое возникает между нами, стоит нам оказаться рядом.

Я сажусь на пассажирское сиденье, а Дима за руль. Двигатель оживает с глухим рыком, салон наполняется мягким светом приборной панели. Откидываю голову на подголовник и открыто рассматриваю профиль Димы.

— Дима, — тихо зову его.

— М?

— Спасибо за пионы.

Он поворачивает голову.

— Пожалуйста, Наташ.

И от того, как он произносит моё имя — чуть хрипло, медленно, будто пробует на вкус, — во мне всё обмирает.

— Мой дом в другой стороне, — говорю скорее, себе когда мы сворачиваем совсем не туда.

— Я знаю, — усмехается Дима. — Покажу тебе кое-что.

— Сюрприз-з? — тяну с улыбкой.

Через несколько минут мы паркуемся около высотки. Ее верхние этажи растворяются в ночном небе. Выглядит нереально, даже как-то мистически.

— Это бизнес-центр, — констатирую очевидное.

— Со смотровой площадкой на крыше, — кивает Дима. — Она еще закрытая — здание ещё не сдано. Но я договорился.

Удивленно смотрю на Диму.

— Ты договорился, чтобы нас сюда пустили?

— А что такого?

Ничего. Просто это самое романтическое, что со мной случилось. И я не знаю, что с этим делать, как на это реагировать.

Дима берет меня за руку и переплетает наши пальцы в замок.

Мы молчим, пока идём и поднимаемся на лифте, все так же держась за руки.

Когда выхожу из кабины — ахаю, прикладывая ладонь к груди. Город внизу как карта звёздного неба. Огни тянутся далеко в разные стороны, переливаются, моргают, складываются в «созвездия». Я подхожу к ограждению и опираюсь на него локтями. Ветер треплет волосы, они падают мне на глаза, и я убираю прядь за ухо.

— Дим? — зову, не поворачивая головы.

— Я тут, — отзывается он откуда-то сзади.

Я поворачиваюсь на голос.

Дима стоит в пяти шагах и смотрит на меня так, будто пытается что-то понять, увидеть, запомнить.

— Ты чего? — спрашиваю вдруг просевшим голосом, потому что внезапно чувствую себя центром вселенной, которую положили к моим ногам. Буквально.

— Смотрю, — серьезно озвучивает Дима очевидное.

— Тебе не нравится вид?

— Очень нравится, — говорит он, но как будто не о пейзаже, а... обо мне.

— Я обычная женщина в строгом костюме, — пытаюсь остудить растекающийся под кожей жар.

— Ты не можешь быть обычной.

— А какой я могу быть? — спрашиваю игриво, но в груди что-то дрожит.

— Смелой, — говорит Дима и делает шаг ко мне. — Острой, — еще шаг. — Весёлой. Капризной, — делает ещё шаг. — Горячей.

Он подходит вплотную, смотрит в глаза, сверху вниз, и я задираю голову и замираю.

— А ещё уязвимой, — добавляет хрипло, убирая мои волосы за ухо.

Никто ещё не считывал меня так правильно.

— Вот последнее вообще не про меня, — протестую все же, не желая впускать в душу никого. Даже его. Его — особенно. — Это ты себе нафантазировал.

— Я тебя вижу насквозь.

Я смотрю ему в глаза и не хочу отводить взгляд. Дыхание становится частым-частым. Я облизываю губы.

— Дим... — голос почему-то хрипит.

Дима наклоняет голову. Его губы совсем близко, но он не целует. Просто смотрит.

Этот взгляд... От него по коже бегут мурашки, а внизу живота разливается тянущая тяжесть.

— Ты... — начинаю и замолкаю. Слова кончились.

— Заканчивай... — шепчет он. — Скажи, что я смотрю на тебя так, будто... будто...

Я кладу ладонь ему на грудь и чувствую, как быстро бьётся его сердце.

— Будто хочешь меня, — говорю, глядя в глаза. — Трахнуть прямо здесь.

Я нарочно говорю эту пошлость. Наблюдаю за реакцией.

— И умная, — хрипло говорит он. — Настоящий адвокат.

Я облизываю губы. Дима смотрит на мой рот.

— И что ты будешь с этим делать? — спрашиваю. — Ты слишком воспитан, чтобы сделать это прямо здесь.

— Не фантазируй о том, чего во мне нет.

— Докажи, — парирую с вызовом.

Дима перехватывает мои запястья и заводит руки за спину, фиксирует одной рукой. Второй притягивает меня к себе, бёдрами плотно прижимается к моим. И я чувствую его эрекцию.

А затем Дима целует меня так, будто всё время, пока мы были врозь, только и ждал этого. Я отвечаю тем же. И когда Дима отпускает мои запястья, вцепляюсь в его волосы и тяну голову к себе, царапаю его плечи, спину. Дима сжимает мои ягодицы, и я стону ему в рот.

— Ты сводишь меня с ума, — рычит Дима.

Я не успеваю пикнуть, как он рывком разворачивает меня и прижимает спиной к холодной стене технической надстройки.

— Тебе не говорили, что провоцировать мужчин нельзя? Если только твоя цель изначально — не быть трахнутой...

Он подхватывает меня под бедро, задирает его, прижимается ко мне и трется пахом. Сквозь джинсы я чувствую большой твердый член и стону, сама трюсь о него.

— Дима... — выдыхаю.

Но он закрывает мой рот поцелуем.

Чувствую, как расстёгивает пуговицу на моих брюках, потом молнию. Стягивает брюки вместе с трусиками вниз, и они сползают с ног. Я дрожу от контраста ночной прохлады и горячего мужского тела. Я полуобнаженная, а между нами только грубая ткань его джинсов.

— Повернись, — требует Дима.

Я послушно разворачиваюсь, не отрыва взгляда от его потемневших от возбуждения глаз.

Дима дергает меня на себя, заставляя отступить от стены, впечатывает мои ладони в стену. Проводит с нажимом пальцами по позвоночнику, заставляя пошло выгнуться, расстёгивает мою блузку и лифчик, накрывает грудь теплыми ладонями, сжимает, играет пальцами с сосками. Я стою со спущенными штанами, с голой откляченной задницей, ноги раздвинуты.

Слышу вжикание молнии, шорох одежды.

— Ты бы видела, какая ты сейчас развратная и заманчивая, — рычит Дима.

И я чувствую, как теплая головка члена скользит между моих ног, размазывая влагу, задевая клитор. Вздрагиваю, дрожу от желания почувствовать, как он входит в меня.

Закрываю глаза, предвкушая этот момент.

Дима входит сразу глубоко, сдавленно стонет. А у меня внизу живота от этого стона сводит сладкой судорогой.

— Боже... это какой-то особый сорт наслаждения... — шепчет он.

И начинает двигаться. Сразу жёстко, так, что с каждым толчком мои пятки отрываются от пола. Я стону, расслабляясь и принимая этот темп, разрешая Диме владеть моим телом. Он трахает меня, стонет, то трогает между ног, то сжимает груди, то хватает за талию и насаживает меня на член с громкими влажными шлепками. Наслаждается каждым движением. Я поворачи-

чиваю голову и смотрю на него через плечо. Дима запрокинул голову и закрыл глаза, потом вдруг посмотрел прямо в мои и продолжил, не отпуская моего взгляда.

— Видишь, я делаю это... — говорит он, припоминая мне слова про его воспитанность.

— Да... — шепчу, отворачиваюсь и опускаю голову.

Дима перехватывает меня за бёдра и трахает с такой страстью, что я забываю дышать, думать, быть кем-то кроме его женщины. Его стоны переходят в рычание, ритм становится неуправляемым, я чувствую, как меня распирает изнутри.

Дима расставляет ноги шире и склоняется надо мной, накрывает мои ладони, переплетает наши пальцы, стонет над моим ухом вместе со мной. Я поднимаю голову и снова смотрю на него. Его лицо сейчас — лицо мужчины, который наслаждается сексом со мной так откровенно — возбуждает больше влажных шлепков. Под сердцем у меня заворачивается горячий ком, стремительно несется вниз, к точке соединения наших с Димой тел.

— Кончай, — приказывает он вибрирующим шепотом.

И я будто срываюсь в пропасть. Оргазм накрывает до судороги. Сотрясаясь всем телом встаю на цыпочки и кричу, потому что иначе пережить это распирающее тело наслаждение невозможно. Моё лоно сжимает член, пульсирует вокруг него. Дима делает еще несколько глубоких движений, давая мне пережить оргазм, и резко из меня выходит. Я чувствую, как на мою попу брызгает его теплая сперма, течет по ягодиче. Дим стонет удовлетворенно, снова входит в меня и делает еще несколько успокаивающих движений. Целует мою шею, обнаженную спину, обнимает под грудью и выпрямляется вместе со мной.

Мы дышим тяжело.

Дима проводит ладонью по моему животу к груди, обхватывая её нежно. Выходит из меня, разворачивает, прижимает к себе, смотрит в глаза долго, изучающе.

— Теперь ты знаешь, — говорит наконец. — Не джентльменом я тоже могу быть.

10. Наталья

— Натка! Ты приехала!

Мама выбегает на крыльцо, всплескивая руками, ещё до того, как я успеваю выключить двигатель. Паркуюсь у забора, захожу в калитку родительской дачи и улыбаюсь. Пахнет цветами, зеленью и шашлыком.

— Господи, как ты похудела! — восклицает мама.

Качаю головой и ухмыляюсь про себя. Мама такая мама. Ей вечно кажется, что я не доедаю. Хотя понятия не имею, как, по её мнению, я должна выглядеть со своей комплекцией. Фигура у меня точь-в-точь как у неё. А она сама, между прочим, в свои шестьдесят выглядит так, что любая девчонка обзавидуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.